

ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 821.111-1(Шекспир У.). DOI 10.26170/FK20-04-16. ББК Ш33(4Вел)5-8,445.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.08

ШЕКСПИРОВСКАЯ «ЛУКРЕЦИЯ» КАК «КАТОЛИЧЕСКАЯ» ПОЭМА

Егорова Л. В.

Вологодский государственный университет (Вологда, Россия).

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7707-939X>

А н н о т а ц и я . А. С. Пушкин назвал «Лукрецию» «довольно слабой поэмой Шекспира». О «слабости» поэмы писал А. А. Аникст, более того, счел рассуждения Лукреции «едва ли уместными в ее устах». В статье обсуждается «второе дно» поэмы, позволяющее увидеть за происходившим с Лукрецией еще и драматизацию психологических дилемм католиков в Елизаветинской Англии. Рассказывая эпизод из истории Рима, Шекспир говорит о проблемах современной ему Англии. «Жить или принять смерть» – насущный вопрос для римско-католических подданных Елизаветы в начале 1590-х. Им приходилось подчиняться правительственным законам о посещении государственной церкви, и при прочтении поэмы важно не утратить аналогию их положения с насилием над Лукрецией. В то же время иезуиты стремились обратить их в мучеников в попытке сопротивления властям. Иезуиты не одобряли компромисса с властями, считая посещение протестантской службы католиками приспособленчеством, и лишали их спасительного ощущения, что телесная нечистота от присутствия в церкви еретиков могла быть очищена незапятнанностью сознания. Дихотомия души и тела – принципиальная дихотомия. Вопрос быть или не быть мучениками – один из актуальных вопросов для католиков того времени. Зашифровать его так, как это сделал Шекспир, – большое искусство.

К л ю ч е в ы е с л о в а : английская литература; английская поэзия; английские поэты; поэтическое творчество; поэтические жанры; поэтические сюжеты; католические поэмы; католичество; иезуиты.

SHAKESPEARE'S LUCRECE AS A "CATHOLIC" POEM

Liudmila V. Egorova

Vologda State University (Vologda, Russia). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7707-939X>

A b s t r a c t . A. Pushkin called *Lucrece* "a rather weak poem". A. Anikst wrote about its weakness, moreover, he considered Lucrece's speculations hardly appropriate for her. The article discusses a different view on the poem that allows seeing behind the 'confusion' of the main character a dramatization of psychological dilemmas of the Catholics in Elizabethan England. Narrating an episode from the history of Rome, Shakespeare speaks about the events contemporary to him. "To live or die" was a vital question for Elizabethan Roman Catholics at the beginning of the 1590s. They had to conform to the laws of church attendance and accept other ecclesiastical requirements of the established church of England. In Lucrece's plight the reader might vividly feel the suffering of a persecuted community. While the authorities violated the belief of Catholics, the Jesuits strove to make them martyrs in

their attempt to resist the authorities. The Jesuits didn't approve of the compromise with the state and considered the attendance of the protestant service as temporizing. They insisted that those who brought their bodies to the church of heretics could not (by some mystical division) have their souls in the Catholic Church. The dichotomy of body and soul was vital for the epoch, as well as the question 'to be or not to be a martyr'. To cipher it in such a way was a great art of Shakespeare.

Key words: English literature; English poetry; English poets; poetic creativity; poetic genres; poetic subjects; Catholic poems; Catholicism; Jesuits.

Для цитирования: Егорова, Л. В. Шекспировская «Лукреция» как «католическая» поэма / Л. В. Егорова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 4. – С. 165–172. – DOI: 10.26170/FK20-04-16.

For citation: Egorova, L. V. (2020). Shakespeare's *Lucrece* as a "Catholic" Poem. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 4, pp. 165–172. DOI: 10.26170/FK20-04-16.

«Лукреция» была впервые опубликована в 1594 году Ричардом Филдом, годом ранее издавшим «Венеру и Адониса». Обе поэмы посвящены Генри Ризли, 3-му графу Саутгемпτονу (1573–1624). В посвящении к «Венере и Адонису» Шекспир обещал употребить весь свой досуг, чтобы почтить графа трудом еще более достойным – «some graver labour» (не исключены и значения «серьезный», «тяжелый», «важный» – все они актуальны при разговоре о поэме) [Shakespeare 2005: 50].

Гэбриэл Харви сделал запись (датируется 1598–1601) о том, что «Венерой и Адонисом» восторгаются те, кто моложе (*the younger sort*); «Лукреция» и «Гамлет» предназначены для удовольствия более умудренных (*the wiser sort*) [Shakespeare 2005: 49]. Похоже, последние составляли меньшинство: к 1640 году у «Венеры и Адониса» – 16 изданий, у «Лукреции» – 7. «Лукреция» для Шекспира – серьезная трагическая тема, сопровождавшая его на всем протяжении творчества. Сюжет представляет собой поворотный момент из истории раннего Рима: изнасилование Лукреции, жены римского генерала Коллатина, царским сыном Секстом Тарквинием и ее последующее самоубийство стало той искрой, что разожгла республиканское восстание, закончившееся изгнанием Тарквиния из Рима.

В 2009 году в Саратове в издании «Античный мир и археология» вышла статья Александра Викторовича Коптева «История добродетельной Лукреции: между литературой, правом и ритуалом», где подробно говорится о разности мнений относительно происхождения этой истории, ее подлинности, датировке. В истории есть архетип женской чи-

стоты и доблести, и Лукреция тяготеет к тому, чтобы быть героиней элегической поэзии. Кроме того, ее история является частью рассказа о падении древней римской монархии [Коптев 2009].

В 2012 году Наталья Станиславовна Зеленская в статье «Шекспировская Лукреция в контексте европейской традиции» рассмотрела тексты Тита Ливия, Овидия, Августина Блаженного, Жана де Мена, Джеффри Чосера, Джона Гауэра, Уильяма Пейнтера и других авторов с целью сопоставления их версий с версией Шекспира [Зелезинская 2012]. Сопоставление проведено на нескольких уровнях (композиционном, идейном, характерологическом), что позволило не только выявить сходства и расхождения в фабуле, мотивах, образе главной героини, но и выделить тексты-источники поэмы Шекспира. Прослеживая традиции повествования о Лукреции и идеи, привносимые каждой из эпох, Зеленская напомнила, что данный сюжет относится к тем, что отвечают «на вековые запросы мысли, не иссякающие в обороте человеческой истории» [Веселовский 1940: 376]. Интерес к сюжету очевиден с V века до н.э. по XVII век н.э. [Зелезинская 2012: 117] – и, видоизменяясь, далее.

А. С. Пушкин в конце 1825 года, находясь в Михайловском, перечитывал «Лукрецию», по его мнению, «довольно слабую поэму Шекспира», и подумал: «что если бы Лукреции пришла в голову мысль дать пощечину Тарквинию? быть может, это охладило б его предприимчивость и он со стыдом принужден был отступить? Лукреция б не резалась. Публикола не взбесился бы, Брут не изгнал бы ца-

рей, и мир и история мира были бы не те» [Пушкин 1987: 485–486]. Пушкин не мог «воспротивиться двойному искушению» («пародировать историю и Шекспира») и в два утра 14 декабря 1925 года написал «Графа Нулина» [Пушкин 1987: 486] – с пощечиной герою, залайвавшим шпиком, шагами Параша и постыдным бегством Нулина. Там, где Пушкину хотелось пародии, Шекспиру была нужна именно жертва насилия, а не сохранившая целомудрие матрона.

В 1963 году о «слабости» поэмы писал А. А. Аникст в «Творчестве Шекспира»: «Как повествовательное произведение „Лукреция“ действительно довольно слабая поэма. Внешнее действие и тут служит лишь поводом для многочисленных лирических отступлений. Здесь нет столь красочных описаний, как в „Венере и Адонисе“. Переживания Лукреции изображены не очень убедительно. Ее горе выражается в рассуждениях, которые, будучи интересными по мыслям, едва ли уместны в ее устах...» [Аникст 1963: 179]. Думается, это стратегия – не просчет Шекспира. Он намеренно сократил до минимума действие: практически исключил информацию о политической роли семейства Тарквиниев и тирании, убрал эпизод сравнения жен, сцену с ткущей Лукрецией. Центральным мотивом стало самоубийство: самоубийство героини, прежде всего, и, как отмечает Н. С. Зелезинская, «поведение Тарквиния также ассоциируется с моральным и политическим самоубийством» [Зелезинская 2012: 123]. Исследователь не пропускает еще две ссылки – на Нарцисса и на Геккубу, с которой отождествляет себя героиня.

Данная статья – исследование «второго дна» этого произведения. Отправной точкой для размышлений стала книга Джона Клаузе, демонстрирующая специфическую оптику прочтения [Клаузе 2008]. При чтении шекспировской поэмы важно помнить, что написана она об истории Рима и – современной Шек-

спиру Англии. Одним из центральных для Лукреции становится вопрос о жизни и смерти:

So with herself is she in mutiny,
To live or die which of the twain were better,
When life is sham'd and death reproach's debtor.
'To kill myself,' quoth she, 'alack what were it,
But with my body my poor soul's pollution?'¹

(1153–7).

Так и в душе Лукреции раздор.

Не знает, к жизни, к смерти ль обратиться;
Постыдна жизнь, смерть, как судья, грозит.
«Убить себя? – стенает. – Но к чему?
И дух мой будет этим осквернен»².

«To live or die» (жить или принять смерть) – насущный вопрос для римско-католических подданных Елизаветы в начале 1590-х. Посещение государственной церкви согласно правительственным законам для них было сопоставимо с насилием над Лукрецией, причем уклоняться от необходимости присутствовать на англиканской службе становилось все труднее.

В 1593-м, за год до поэмы, английский парламент разрабатывал закон, направленный против мирян-католиков [Morey 1978: 70]. Будь он принят, его строгость превзошла бы все прежние антикатолические акты. Законопроект предполагал:

- увеличение прежних штрафов за рекузанство³: 20 фунтов за каждый 4-недельный период;
- введение высшей меры наказания за такие «изменнические» деяния, как помощь прибывшим в Англию новообращенным католическим священникам и укрытие их;
- конфискация всего имущества и 2/3 прибыли за отказ от посещения официальной церкви;
- запрет аренды, продажи земли рекузантам;
- лишение приданого невест-рекузанток;
- лишение 2/3 наследства тех, кто женится на рекузантках;

¹ Здесь и далее цитаты даны по Полному Арденовскому изданию Шекспира – [Shakespeare 2005] (в скобках указаны строки).

² Кроме оговоренного случая, все цитаты даны в переводе под редакцией А. А. Смирнова [Шекспир 1949]. По-видимому, это был перевод не самого Смирнова (иначе он где-нибудь это обозначил, хотя бы в списках своих работ) и не старый дореволюционный перевод (тогда было бы указано: перевод, например, П. Вейнберга под редакцией А. А. Смирнова). Без фамилий шли работы тех, кого нельзя было назвать в печати, то есть репрессированных. Такими в издании 1949 годы были И. Мандельштам, Л. Некора и некоторые другие. Для точного ответа на этот вопрос нужна дополнительная архивная работа.

³ Отказ от участия в англиканских богослужениях (от лат. *reciso* – отказываться, возражать).

- запрет на получение публичной должности или ученой степени;
- ограничение в правах родителей-рекузантов: их детей предполагалось в возрасте 7 лет передавать под опеку и воспитывать как протестантов [Morey 1978: 70].

Меры не были приняты к исполнению – прошел более мягкий закон, но открывавшаяся реальность была поистине устрашающей, учитывая, что и измена (своей вере), и мученичество (за веру) – призвание далеко не каждого из мирян-католиков. Казалось бы, наиболее безболезненный путь – перейти в рекомендуемую государством церковь, но серьезность, чтобы не сказать трагичность вопроса заключалась в небесспорности возможности перехода такого рода.

Иезуиты проявляли строгость в отношении католиков, посещавших протестантскую службу. Не одобряя компромисса с государством, они считали подобное поведение приспособленчеством и лишали английских католиков спасительного ощущения, что, если человек душой предан католичеству, вынужденное посещение англиканской церкви не становилось изменой вере (телесная нечистота от присутствия в церкви другой веры могла быть очищена незапятнанностью сознания). В 1593 году иезуит Генри Гарнет опубликовал три работы («A Treatise of Christian Renunciation», «An Apology against the Defence of Schisme», «A Declaration of the Fathers»), где настаивал, что те, кто телесно приходили в церковь еретиков, не могли надеяться, что каким-либо мистическим разделением они оставались душой в католической церкви. Вопрос ставился остро: невозможно отдать душу Богу, тело – дьяволу; невозможно находиться на англиканском богослужении, будучи душой католиком.

Параллель с Лукрецией видится усиленной теми моментами, что насилие исходило, во-первых, от властителя; во-вторых, от близкой веры, в случае Лукреции – близкого человека, родственника мужа (Тарквиний размышлял: «Но он мой родственник, мой друг любимый...» – «But as he is my kinsman, my dear friend...» 237).

Лукреция после встречи с Тарквинием, отправляясь на ночной покой, столь же не ожидала насилия как «расплаты» за гостеприим-

ство, как, например, Эдвард Руквуд (Edward Rookwood), принимавший в своем доме королеву в 1578 году. При прощании он был готов традиционно поцеловать руку ее Величества, но, не успев исполнить ритуал, услышал приказ лорда-камергера отойти. Его, достигшего совершеннолетия и только что вступившего в брак, объявили рекузантом. Ему, только что предоставившему дом в распоряжение королевы, возбранялось касаться священной персоны и находиться в ее присутствии. Последовало тюремное заключение [Jessorp 1879: 67–68].

О том, какой непосильной ношей становились антикатолические прокламации королевы, известно из рассказа Фрэнсиса Вудхауса (Francis Wodehouse) из Норфолка, зафиксированного иезуитом Уильямом Уэстоном (1550–1615) [Weston 1955: 149–151]: «Это было не только мое дело – не только вопрос моего тюремного заключения. Моя жена, дети, вся семья, имущество – вовлечено было все. При одном ударе все рушилось. Но, подчинись я, пришлось бы столкнуться с вечным позором в глазах достойных людей, и не только позором, но бесчестьем, стигмой трусости; а в глазах Господа – душа однозначно оказалась бы в западне, из которой нет выхода (the assured and inescapable jeopardy of my soul)» (здесь и далее перевод мой). Описанное сопоставимо с ужасом от ощущения позора, бесчестья, испытанного Лукрецией.

«Кроме того, – продолжал Вудхаус, – я слышал мольбу моих друзей. Они бесконечно усиливали важность преходящих ценностей, настаивали, сколь необдуманно и достойно сожаления не защититься от бедствия путем разового посещения церкви». Напомню, как в поэме Тарквиний перед насилием увещевал Лукрецию подумать о чести семьи:

Then for thy husband and the children's sake,
Tender my suit; bequeath not to their lot
The shame that from them no device can take,
The blemish that will never be forgot... (533–6).

Так ради мужа и детей своих
Склонись к моим мольбам. Не награди
Позором несмываемым родных,
Хулой, что предстоит им впереди.

Говорил Фрэнсис Вудхаус и о собственной робости: он видел лучший путь, но по-

следовал худшим. Он описал тот день, когда должен был отправиться в англиканскую церковь: «Не успел я войти ... мои внутренности взбунтовались. Казалось, в них вспыхнул огонь и в несколько мгновений разгорелся. Мука была острой. Пламя поднялось в грудь – в область сердца, так что, казалось, я кипел в адском пламени».

По окончании службы он постарался потушить огонь кружками эля в близлежащей таверне – безрезультатно. Жена и священник успокаивали его, но в конце концов он отправился к местному англиканскому епископу и заявил, что больше никогда не подчинится закону. Епископ позаботился о том, чтобы Фрэнсис Вудхаус провел в тюрьме 4 года [Weston 1955: 149–151].

Не касаясь проблемы соотношения прелюбодеяния и насилия и отношения к ним права, отмечу, что, как и Лукреция, Фрэнсис Вудхаус предпочел добровольно стать мучеником – расплатиться за «грех» (?), хотя Лукреция расплачивалась жизнью: «Омою кровью тяжкий свой недуг, / Сотру прекрасной смертью гнусный знак» («My blood shall wash the slander of my ill; / My life's foul deed my life's fair end shall free it» 1207–1208).

Официально католики претерпевали лишения за неподчинение, неповиновение властям. Причем, как и в случае с Лукрецией, на тело которой претендовал Тарквиний, в происшедшем с католиками речь шла, по существу, о телах – необходимости присутствия на англиканской службе. Дихотомия души и тела – принципиальная дихотомия.

До осквернения Лукреции были равно дороги ее чистое тело и божественная душа. Горячо их любя, она знала, что безукоризненно хранить их следует для «неба» и для мужа, причем «небо» в оригинале стоит на первом месте (в переводе эта мысль потеряна):

My body or my soul, which was the dearer,
When the one pure, the other made divine?
Whose love of either to myself was nearer,
When both were kept for heaven and Collatine?
(1163–6).

До осквернения что всего милей
Мне было – дух иль плоть? – твердит она. –
Что я любила глубже, горячей,
Когда супругу я была верна?

Еще одна принципиальная аналогия насилия над Лукрецией и насилия над католиками – последствия. Месть – элемент римской истории, и она прекрасно резонировала с шекспировской современностью. К отмщению взывала поруганная женщина: «Revenge on him that made me stop my breath» (1180). Ее кровь требовала этого. Ее речь, действия – все свидетельствовало против обидчика, и – переворот происходил.

Напомню созвучные предостережения иезуита Роберта Саутвелла из «Послания утешения», адресованного Филипу Говарду (1557–1595), находившемуся в заключении в Тауэре (он стал мучеником, святым Римско-католической Церкви). Обращаясь к противникам, Саутвелл предупреждал: «Голос крови ваших умерщвленных братьев вопиет из-под земли против вас», веря, что за этим голосом – победа («The voice of the blood of your murdered brethren cries out against you, and this voice it is that so forcibly prevaileth») [Southwell 1822: 194]. У Саутвелла не было сомнений, что, умерщвляя католиков, противники рыли себе могилы: мучительством братьев отправляли их на небо – и те свидетельствовали перед Богом о необходимости отмщения убийцам.

У Саутвелла есть пронзительный образ церкви Христовой – супруги Христа. Будучи чистой и непорочной, она не может выступать в роли прелюбодейки: «The spouse of Christ cannot play the adulteress; she is undefiled and chaste» [Southwell 1822: 194]. Лукреция как символ оскверненной церкви, шире – оскверненной родины – один из вариантов прочтения поэмы. Ситуация героини отражала проблемы политики конца XVI века и обусловленные ею индивидуальные трагедии.

* * *

Для обнаружения «второго дна» следует вслушаться в лексику поэмы. Вопрос о том, почему Лукреция лишила себя жизни, является определяющим. Для римской этики основным ориентиром была честь, и хорошо ощущимо, что Лукреция Шекспира жила и мыслила в ином Риме, чем у Тита Ливия и Овидия. Она переживала не только позор, стыд, но и грех, вину, христианское лишение благодати, в которой до сих пор пребывала. В переводе важны нюансы:

They think not but that every eye can see
The same disgrace which they themselves behold;
And therefore would they still in darkness be,
To have their unseen sin remain untold.
For they their guilt with weeping will unfold,
And grave like water that doth eat in steel,
Upon my cheeks, what helpless shame I feel
(750–7).

Мне кажется, что все теперь узрят
Тот срам, что предстает очам моим.
Пусть лучше будет мраком взор объят,
Невольный грех останется незрим.
Ведь слезы стыд откроют всем живым;
Как влага грудь железа ржою гложет,
Они клеймо мне на черты наложат.

В оригинале важно слово «helpless» в сочетании с «shame»: не просто стыд, но стыд, облегчить который, помочь которому невозможно. Любопытна подмена «Невольный грех останется незрим» там, где в оригинале речь идет о рассказе – не поведенном рассказе о незримом для других грехе, т. е. покаянии – не высказанном, не принесенном покаянии: «To have their unseen sin remain untold».

Герои поэмы Шекспира прибегают к католической терминологии, причем звучит она из уст и Тарквиния, и Лукреции. Шекспир, по-видимому, намеренно не проводил отчетливых линий, но создавал «второе дно». Католическая терминология обуславливала религиозно-политический план, но поставить в вину Шекспиру что-либо определенное было невозможно. Более того, возникал этот характерный для Шекспира эффект, когда каждый в его словах различал «свое»: католик – католическое, протестант – протестантское, стоик – стоическое.

Будучи не в силах противиться плотскому желанию, Тарквиний вверяет себя «любви» и удаче (Фортуне), признавая, что они – его боги и наставники. Воля его подкреплена решимостью, основанием которой является уверенность, что самый черный грех может быть очищен отпущением грехов:

Любовь и счастье, вы мне божества!
Незыблемы решения мои.
Мечта невоплощенная мертва.
Отмоют грех раскаянья струи...

Перевод, в моем понимании, склоняет думать о слезах: «раскаянья струи...». В оригинале звучит католический термин «absolution» – Тарквиний говорит об отпущении грехов:
Then love and fortune be my gods, my guide!
My will is back'd with resolution;
Thoughts are but dreams till their effects be tried;
The blackest sin is clear'd with absolution (351–354).

Отмечу, что многие из рассуждений Тарквиния, включая и данное – о необходимости подкрепления мыслей делами, предвосхищают мысли Макбета. Как справедливо отметил А. А. Аникст, «то, что здесь всего лишь риторика, в поздней трагедии Шекспира прозвучит дивной поэзией глубоко страдающей души» [Аникст 1963: 180].

Тарквиний, размышляя о противостоянии желания плоти и благодати (grace), отдает себе отчет в происходящем. Он хорошо знает, что, будучи утоленным, желание утрачивает силу, и «виновный бунтарь» сам молит о пощаде:

The flesh being proud, desire doth fight with grace;
For there it revels, and when that decays,
The guilty rebel for remission prays (712–714).

Когда бунтует плоть, готов с добром
Пыл страстный биться, но, утратив силу,
Слезливо кается бунтарь унылый.

Католическая окрашенность в переводе снова утрачена: уходит «remission» – «прощение, отпущение грехов».

В сравнительном обороте Лукреции являются пилигримы с их разговорами, дабы скоротать паломничество:

So should I have co-partners in my pain;
And fellowship in woe doth woe assuage,
As palmers' chat makes short their pilgrimage
(789–791).

...И я б наперсниц в муках обреда;
Скорбь разделенная отрадней, кротче;
Так странникам в беседе путь короче.

Не «привязывая» к конфессиям, Шекспир делает ясным расклад главных действующих лиц: Лукреция – святая на земле, Тарквиний – дьявол, причем Лукреция, равно как праведники, как ничего не опасующиеся птицы небесные, не отдает себе отчета в порочности

«ложного (идоло)поклонника» («false worshipper») упущен в переводе):

This earthly saint adored by this devil,
Little suspecteth the false worshipper;
For unstain'd thoughts do seldom dream on evil,
Birds never lim'd no secret bushes fear... (85-88).

Так дьявол страстью воспылал к святой;
Но от него не ждет вреда она.
Не замечает зла, кто чист душой,
И сеть для птицы вольной не страшна.

Тарквиний знает о «неосвященности» своих мыслей. Он хотел бы воскурить чистый фимиам ей – божественной (и снова мы имеем дело с католическими образами):

And die, unhallow'd thoughts, before you blot
With your uncleanness that which is divine;
Offer pure incense to so pure a shrine (192-194).

Умрите, думы страсти, у меня,
Дабы не осквернять вам божество;
Возлейте миро на алтарь его.

Отмечу, что другие переводы, например, Б. Томашевского, как правило, существеннее отдаляются от оригинала:

Останьтесь, злые мысли, у меня,
Я не хочу делиться вами с нею,
Я просто перед ней благоговею... [Шекспир
1997: 47]

Лукреция не является мученицей в христианском смысле этого слова, но у Шекспира речь идет именно о мученичестве. Обращаясь к ночи, Лукреция молит:

Пусть никогда пылливый День не зрит
Мое лицо, что под плащом твоим
Свой незаслуженный позор таит.

Литература

- Аникст, А. А. Творчество Шекспира / А. А. Аникст. – М. : Издательство художественной литературы, 1963. – 615 с.
- Веселовский, А. Н. Поэтика сюжетов / А. Н. Веселовский // Историческая поэтика / ред., вступ. ст. и прим. В. М. Жирмунского. – Л. : Худож. лит., 1940. – 646 с.
- Зелезинская, Н. С. Шекспировская Лукреция в контексте европейской традиции / Н. С. Зелезинская // Российская и зарубежная филология. – 2012. – Вып. 3 (19). – С. 117–127.
- Коптев, А. В. История добродетельной Лукреции: между литературой, правом и ритуалом / А. В. Коптев // Античный мир и археология. – 2009. – Вып. 13. – С. 176–202.
- Пушкин, А. С. Заметка о «Графе Нулине» / А. С. Пушкин // Сочинения в 3-х томах. Т. 3. Проза. – М. : Худож. лит., 1987. – С. 485–486.

У Шекспира ночь из временной, преходящей превращается в адскую – горнило дурно пахнущего дыма:

O night, thou furnace of foul reeking smoke,
Let not the jealous day behold that face
Which underneath thy black all-hiding cloak
Immodestly lies martyr'd with disgrace! (799-802).

Лукреция стала жертвой насилия, мученицей бесчестья: «martyr'd with disgrace».

Какое удовольствие получали от «Лукреции» «те, кто мудрее»? По-видимому, ощущали аналогии ситуации, в которой оказалась Лукреция, с положением англо-римских католиков. Следя за рассуждениями, которые «едва ли уместны в ее устах», они могли размышлять о возможных стратегиях поведения католиков и искать пути выхода из тупика, когда правительственные власти «насиловали» вероисповедание католиков, а духовные власти хотели обратить их в мучеников в попытке сопротивления гражданским властям. Адресату двух первых поэм Шекспира, Генри Ризли, 3-му графу Саутгемптону, это удалось. В возрасте 8 лет он потерял отца, и его опекуном был назначен Уильям Сесил, лорд Берли (родственники Саутгемптона с материнской и отцовской стороны исповедовали католическую веру и считались неблагонадежными воспитателями). В 8 лет граф категорически отказался слушать протестантскую службу, но после этого конфликта он не только не выказывал фанатизма в религиозных делах, но вел себя так, что невозможно прийти к какому-либо рода умозаключениям о его вере. О тесных связях Шекспира, графа Саутгемптона и Роберта Саутвелла писал Джон Клаузе в книге «Шекспир, граф и иезуит» [Klaue 2008], но это отдельная тема для обсуждения. В данной статье нам хотелось обратить внимание именно на «второе дно» поэмы.

- Шекспир, В. Лукреция / В. Шекспир ; пер. с англ. Б. Томашевского // Шекспир В. Избранное. – М. : ДО «Глаголь» ; Минск : ООО «Инпродо», 1997. – С. 39–90.
- Шекспир, В. Обещанная Лукреция / В. Шекспир ; перевод под ред. А. А. Смирнова // Шекспир В. Полное собрание сочинений : в 8 т. / под ред. А. А. Смирнова. – М. ; Л. : Гослитиздат, 1949. – Т. 8. – С. 459–516.
- Jessopp, A. One Generation of a Norfolk House / A. Jessopp. – 2nd ed. – London : Burns and Oates, 1879. – P. 67–68.
- Klaue, J. Shakespeare, the Earl, and the Jesuit / J. Klaue. – Madison, Teaneck, and Cranbury NJ : Fairleigh Dickinson University Press and Associated University Presses, 2008. – 339 p.
- Morey, A. The Catholic Subjects of Elizabeth I / A. Morey. – Totowa, N.J : Rowman and Littlefield, 1978. – 240 p.
- Shakespeare, W. Venus and Adonis; Lucrece / W. Shakespeare // The Arden Shakespeare Complete Works / ed. by R. Proudfoot, A. Thompson, D. Scott Kastan. – London : The Arden Shakespeare, 2005. – P. 49–82.
- Southwell, R. An Epistle of Comfort to The Reverend Priests, and To The Honorable, Worshipful, and Other of The Lay Sort, Restrained in durance for the Catholic Faith 1587/88 / R. Southwell // Mary Magdalen's Funeral Tears; The Triumphs over Death; An Epistle of Comfort ... / ed. by W. Joseph Walter. – London : Keating & Co, 1822. – P. 123–199.
- Weston, W. An Autobiography from the Jesuit Underground / W. Weston ; transl. from the Latin by P. Caraman ; with a foreword by E. Waugh. – New York : Farrar, Straus and Cudahy, 1955. – 259 p.

References

- Anikst, A. A. (1963). *Tvorchestvo Shekspira* [Shakespeare's Creative Activity]. Moscow, Izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury. 615 p.
- Jessopp, A. (1879). *One Generation of a Norfolk House*. 2nd ed. London, Burns and Oates, pp. 67–68.
- Klaue, J. (2008). *Shakespeare, the Earl, and the Jesuit*. Madison, Teaneck, and Cranbury NJ, Fairleigh Dickinson University Press and Associated University Presses. 339 p.
- Koptev, A. V. (2009). Istoriya dobrodetel'noi Lukretsii: mezhdru literaturoi, pravom i ritualom [The Story of the Virtuous Lucretia in the Context of Literature, Law and Ritual]. In *Antichnyi mir i arkhologiya*. Issue 13, pp. 176–202.
- Morey, A. (1978). *The Catholic Subjects of Elizabeth I*. Totowa, N.J., Rowman and Littlefield. 240 p.
- Pushkin, A. S. (1987). Zаметка о «Графе Нулине» [A Comment on *Earl Nulin*]. In *Sochineniya, in 3 vols. Vol. 3. Proza*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura., pp. 485–486.
- Shakespeare, W. (2005). Venus and Adonis; Lucrece. In Proudfoot, R., Thompson, A., Kastan, D. Scott (Eds.). *The Arden Shakespeare Complete Works*. London, The Arden Shakespeare, pp. 49–82.
- Shakespeare, W. (1997). Lukretsiya [Lucrese] / trans. by B. Tomashevsky. In *Shekspir V. Izbrannoe*. Moscow, DO «Glagol», Minsk, ООО «Инпродо», pp. 39–90.
- Shakespeare, W. (1949). Obeschchennaya Lukretsiya [The Rape of Lucrece] / trans. under edit. by A. A. Smirnov. In Smirnov, A. A. (Ed.). *Shekspir V. Polnoe sobranie sochinenii, in 8 vols*. Moscow, Leningrad, Goslitizdat. Vol. 8, pp. 459–516.
- Southwell, R. (1822). An Epistle of Comfort to The Reverend Priests, and To The Honorable, Worshipful, and Other of The Lay Sort, Restrained in durance for the Catholic Faith 1587/88. In Walter, W. Joseph (Ed.). *Mary Magdalen's Funeral Tears; The Triumphs over Death; An Epistle of Comfort...* London, Keating & Co, pp. 123–199.
- Veselovsky, A. N. (1940). Poetika syuzhetov [Poetics of Plots]. In *Istoricheskaya poetika*. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura. 646 p.
- Weston, W. (1955). An Autobiography from the Jesuit Underground / transl. from the Latin by P. Caraman; with a foreword by E. Waugh. New York, Farrar, Straus and Cudahy. 259 p.
- Zelezinskaya, N. S. (2012). Shekspirovskaya Lukretsiya v kontekste evropeiskoi traditsii [Shakespearean Lucrece in the Context of European Tradition]. In *Vestnik Permskogo universiteta*. No. 3 (19), pp. 117–127.

Данные об авторе

Егорова Людмила Владимировна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка, Вологодский государственный университет (Вологда, Россия).

Адрес: 160000, Россия, г. Вологда, ул. Ленина, 15.
E-mail: lveg@yandex.ru.

Author's information

Egorova Liudmila Vladimirovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of English Language, Vologda State University (Vologda, Russia).